

СЛУЖАЩИЕ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ОТНОШЕНИЕ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В КОНЦЕ 1920-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ГОРОДОВ НИЖНЕВОЛЖСКОГО КРАЯ).

THE EMPLOYEES AND THE INTELLIGENTSIA: ATTITUDE TO STATE POWER IN THE LATE 1920S. (ON THE MATERIALS OF THE CITIES OF THE NIZHNEVOLZHSKY TERRITORY)

A. Tyurin
M. Mikhailova

Summary: In the proposed article based on archival material, most of which is introduced into scientific circulation for the first time, the attitude of employees and intelligentsia to state power and its policy is described and analyzed. The authors consider the participation of these groups in festive demonstrations and election campaigns to local authorities. The characteristics of employees and the intelligentsia in their daily lives are shown by state security officers. The authors state that most representatives of employees and intelligentsia in the late 1920s. Critical and negatively related to various events of state power, but still forcedly adapted to the current situation.

Keywords: citizens, employees, intelligentsia, Nizhnevolzhsky region, Soviet power, state policy.

Тюрин Алексей Олегович

Кандидат исторических наук, доцент, Астраханский
государственный университет им. В.Н. Татищева
tualol1977@yahoo.com

Михайлова Мария Евгеньевна

Кандидат исторических наук, доцент, Астраханский
государственный медицинский университет
phil.2011@mail.ru

Аннотация: В предлагаемой статье на основе архивного материала, большинство из которого вводится в научный оборот впервые, описывается и анализируется отношение служащих и интеллигенции к государственной власти и ее политике. Авторы рассматривают участие этих групп в праздничных демонстрациях и перевыборных кампаниях в местные органы власти. Показана характеристика служащих и интеллигенции в их повседневной жизни сотрудниками государственной безопасности. Авторы констатируют, что большинство представителей служащих и интеллигенции в конце 1920-х гг. критично и негативно относились к разным мероприятиям государственной власти, но все же вынуждено приспосабливались к сложившейся ситуации.

Ключевые слова: горожане, служащие, интеллигенция, Нижневолжский край, советская власть, государственная политика.

Самой многочисленной непролетарской группой среди горожан во второй половине 1920-х гг. считались служащие и интеллигенция. Стоит отметить, что в разных сводках и отчетах наименование социальных категорий служащие и интеллигенция часто упоминаются вместе, а нередко выступают чуть ли не синонимами, но их социальный слой был неоднородным. В него входили инженерно-технические специалисты, новые выдвиженцы из рабочих, руководящий и средний состав местных органов власти и администраций предприятий, работники сферы здравоохранения, образования, культуры, милиционеры и т.п.

Во второй половине 1920-х гг. общее количество служащих насчитывало по стране 8,7 млн человек, из них занятых в народном хозяйстве – 3,5 млн. человек [11, с. 261]. По данным Всесоюзной переписи населения в 1926 г. количество служащих в составе горожан Астрахани составляло 26,7 [9, с. 196]. По подсчетам Г.Г. Корнауховой в 1939 г. процент служащих в составе астраханцев остался прежним [12, с. 49].

Житель Саратова Чекманов в своем письме к А.В. Луначарскому охарактеризовал с одной стороны неоднородность служащих, с другой несправедливую стратификацию этой группы и такое же отношение к ней власти: «В настоящий момент в нашей стране, где у власти стоит пролетариат, где при поступлении в вузы и тузы происходит классовый подбор, как рабочих и крестьян, а служащих пропускают, но совсем малый процент, к последним предъявляют очень большие требования и не подразделяют его социальное происхождение. Кто бы ни был – служащий, и точка. Например, милиционер и я тоже служащий, не имеем никакой специальности, за что и получаем несчастные гроши. И те служащие, которые получают сто и двести рублей. Вот в чем не только мне, но и другим кажется обидным, так как я, выходец из пролетарской семьи, которому нужно бы предоставить возможность учиться. Жду вашего ответа» [13, с. 98].

Многие представители группы служащих и интеллигенции понимали, что государственная власть, в своих декларациях подчеркивая привилегированное положение пролетариата, старалась в первую очередь удовлет-

ворить их потребности. К тому же слой служащих чаще других подвергался с одной стороны «чисткам», с другой именно в эту группу чаще всего «выдвигали» из рабочих. Поэтому они осознавали нестабильность своего социального и профессионального положения.

Особенно остро данная ситуация проявлялась в период политических процессов конца 1920-х гг. Информаторы ОГПУ следили за настроениями и фиксировали высказывания служащих и интеллигенции. Проанализировав их, мы сможем узнать отношение, пусть не всей, но значительной части этой группы к государственной власти и ее политике.

Одним из первых политических процессов можно считать «шахтинское дело». За официальными одобрительными резолюциями собраний, посвященных этому процессу, развернулись определенные дискуссии среди служащих и интеллигенции, которые фиксировались в сводках ОГПУ.

Специалисты Поволжской колонизационной экспедиции считали: «Ну, теперь, на нас, специалистов, в связи с этим подлым Шахтинским делом, партия и Советская власть будут смотреть с недоверием и осторожностью. И при всяком случае будут говорить, что мы работаем за деньги, а не за совесть» [10, л. 77]. Опасения служащих были не напрасны, так как в Нижневолжском крае заранее были подготовлены данные на 47 человек – представителей административно-хозяйственного аппарата различных предприятий. В сопроводительной докладной записке отмечалось, что «несмотря на отсутствие явного вредительства в данное время при наличии засоренности случаи вредительства в будущем вполне возможны» [15, с. 248].

Сотрудниками ОГПУ фиксировались высказывания, показывающие довольно широкий спектр мнений среди служащих, но во многом объединяющий их в критическом отношении к власти. Начальник железнодорожной станции Саратова говорил: «Своим неумением ладить с иностранцами Советская власть вызывает такие события, как в Донбассе. Там определенно видна рука иностранцев, а все это приписывается невинным специалистам». Инженер одного из саратовских заводов считал, что «в общем, шахтинские события чрезвычайно преувеличены, так как это крайне выгодно для власти. Тут представлена и иностранная интрига, и все что хотите. На самом деле все гораздо незначительнее, чем представлено в официальной прессе». Врач из Саратова более критично относился к власти: «Позорные вещи, случившиеся в Донбассе, не могли бы иметь место, если бы не было коммунистов, ничего не понимающих в деле и за внешние блага готовых на что угодно, вплоть до провокаций в своем ЦК» [10, л. 40].

Не все служащие с энтузиазмом принимали участие в митингах, которые должны были одобрить результаты «шахтинского дела». В Саратове зафиксировали разговор по телефону одного начальника отдела со своим подчиненным. После длительной дискуссии он сказал: «Ничего не поделаешь, хотя и из-под палки, но обязанность надо выполнить, чтобы не было подозрений». Техник Рязано-Уральской железной дороги (РУЖД) на вопрос о не присутствии его на собрании, посвященному рассмотрению «шахтинского дела», ответил: «Это не интересно, ведь на самом деле и половины нет тех преступлений, в которых обвиняют инженеров. Дело – это дутое, и проводится, для того чтобы куда-нибудь отвлечь внимание народа» [10, л. 40]. Таким образом, не все служащие доверяли происходящему судебному процессу, а многие из-за боязни «чистки» и других репрессий ходили на митинги и принимали резолюции, обвиняющие «шахтинцев».

В среде служащих и интеллигенции активно обсуждалась высылка Л.Д. Троцкого за границу. Некоторые представители этой группы в Астрахани полагали, что выслать Троцкого за пределы Советского государства равносильно тому, как бросить щуку в воду. Служащий завода ЛесЗАГТ в Саратове считал, что Троцкий войдет в связь с капиталистами и создаст вторую Красную армию. Информаторы ОГПУ отмечали и откровенно антисоветские высказывания. В Саратове в одной из очередей служащий говорил: «Советская власть не сумела использовать умного человека – Троцкого, а вместо благодарности – выслала его за границу». На трикотажной фабрике Саратова секретарь ревкомиссии сказал: «Троцкий, уезжая за границу оставил завещание, что после смерти его мозги заспиртовать, после чего спирт оставить Рыкову, а мозги Сталину». Среди работников образования при обсуждении данного вопроса отмечались разговоры, сводящиеся к «заслугам Троцкого перед революцией» и «его политической правоте». В Астрахани один из учителей заявил: «Ведь был же случай, что и Ленин отходил от РСДРП, почему же троцкистам нельзя вести своей линии? Троцкий прав, его ценил Ленин» [5, л. 106]. В общем, далеко не все служащие одобрительно относились к высылке Л.Д. Троцкого за границу, а некоторые поддерживали его как политического деятеля.

Начиная с 1928 г., в Советском Союзе наблюдался перманентный дефицит продовольствия и товаров первой необходимости. Летом 1928 г. в городах образовывались огромные очереди, например в Астрахани до 500 человек, в Сталинграде отмечалась аналогичная ситуация. Как фиксировали информаторы, разговоры среди советских служащих и обывателей «вращаются исключительно вокруг недостатка хлеба, «мизерного заработка» и «плохого материального положения». На этой основе строилось их политическое мировоззрение и отношение к власти. Именно «служилая и обывательская среда»

порождала наибольший процент провокационных слухов и «безответственного ворчания», в которых «виновником» сложившейся ситуации выступала советская власть [1, л. 16].

Кроме общего недовольства по поводу недостаточного снабжения продовольствием, неудовлетворение у служащих вызывал факт более низкой нормы отпуска хлеба и муки по сравнению с рабочими: «На одиннадцатом году революции дают свободно подышать, но не всем, а служащим, так как рабочим выдают по 25 фунтов на едока, а служащим всего по 10» [1, л. 16об].

При этом проблема снабжения продовольствием стояло остро на протяжении следующих лет, что определяло отношение к власти у многих служащих и интеллигенции. В докладной записке Астраханского окружного отдела (Астрокротдел) ОГПУ от 5 июня 1930 г. отмечалось: «Врачи. Со стороны некоторых врачей в связи с продовольственными затруднениями наблюдается стремление к выезду за пределы округа, в основном на Кавказ, т.к. там «крестьянство пока не раскулачено» и «жизнь гораздо лучше». Учительство. Наблюдаются случаи скрытого проявления недовольства в связи с продовольственными затруднениями – факты сочувствия нэпу и кулаку. В ходе собраний у большинства наблюдается замкнутость, молчание и равнодушное отношение к происходящему, активность понижается» [7, л. 77]. В октябре 1930 г. сотрудники Астрокротдела ОГПУ констатировали, что среди городских школьных работников много недовольных задержкой зарплаты и продовольственными затруднениями. Некоторые ругают всех и вся, также недовольны, что им не дают рабочий паек [8, л. 276].

Недовольства среди служащих и интеллигенции в октябре 1928 г. вызвала заемная кампания, в ходе которой фактически принуждали подписываться на 100% полученной зарплаты, в связи с чем, представители этой группы в разговорах констатировали отсутствие декларируемой добровольности при подписке, а ее успех объясняли собственной боязнью потери рабочего места: «Не возьмешь, так снимут с должности и исключат из союза» [2, л. 27об].

На фоне кризиса снабжения продовольствием в среде служащих активно поднималась тема возможной войны с другими государствами. Информаторы фиксировали следующие высказывания: «Буржуазные государства готовятся к войне, нам против них не устоять, так как у нас ничего нет, вооружение плохое, и запасов нет... Сейчас уже дают хлеб по карточкам, а начнется война, и вовсе перестанут давать, и на пустой желудок никто воевать не будет». «Скоро будет война и тогда Россия не продержится ни за что, а раз война, то и гибель Соввласти» [4, л. 91об]. «Польша намерена захватить Украину, то же будет с Закавказьем и Туркестаном... Случится это

очень скоро, так как защищать власть никто не будет» [1, л. 16об]. В целом, большинство служащих полагало, что СССР к войне не готов и будет разгромлен.

Одним из индикаторов лояльности и поддержки проводимой государственной политики, было принятие участия гражданами СССР в массовых праздничных мероприятиях. Ежегодно проводились две демонстрации, посвященные Дню международной солидарности трудящихся (1 мая) и Великой Октябрьской социалистической революции (7 ноября).

По итогам праздничной демонстрации в ноябре 1928 г. информаторы констатировали, что явка сотрудников советских учреждений на демонстрацию составила в среднем 75%. Однако среди них распространено мнение, что «хочется, не хочется, а идти надо, а то еще за чуждый элемент сочтут», или «поневоле пойдешь на демонстрацию, когда за неявку со службы выгнать могут». Поэтому боязнь остаться без работы и навлечь гнев начальства – основные стимулы посещения демонстрации советскими служащими. Тем не менее, специалисты и высококвалифицированная интеллигенция на демонстрацию приходили в сравнительно небольшом количестве. В Саратове – около 50%, а в Сталинграде – от 30 до 50%, в зависимости от предприятий и организаций. В настроениях части служащих и интеллигенции преобладал скептицизм и иронические насмешки по отношению к политике власти. Приводились следующие примеры высказываний: «Прошло 11 лет существования коммунистической партии, а нас все продолжают дурачить, говоря, что в России всюду прогресс, в то время как на самом деле интеллигенцию зажимают все больше». Кроме этого, часть представителей служащих ожидали выступления оппозиции в ходе демонстрации и были разочарованы, что никаких эксцессов не произошло: «Говорят, будто в Саратове готовилось выступление правых. Я всю Театральную площадь обошел, и ничего не видел, и листовок никаких нет». «Годовщина октябрьской революции должна принести новую оппозицию, более сильную, чем троцкистская» [3, л. 8об].

Похожие настроения зафиксировали информаторы в мае 1929 г. По их данным явка служащих на первомайские демонстрации не превышала 60%, а те, кто пришел, в большинстве говорили, что «поневоле приходится праздновать». В Саратове служащий ЦРК заявил: «Это было не торжество, а похоронная процессия, я бы не пошел, да меня выдвинули распорядителем». В Сталинграде отмечались среди служащих разговоры, что «приходится отбывать повинность». Аналогичные настроения служащих отмечены во всех городах Нижневолжского края. Со стороны отдельных лиц инженерно-технического персонала наблюдались следующие высказывания: «Первое мая – это не мой праздник, он мне ничего не дал и праздновать его я не намерен...» (техник Коммунохоза).

Во время сбора демонстрантов техник завода «Красный Октябрь» сказал: «У рабочих нет былого подъема духа... Нужно сперва их и их семьи накормить, а потом вести на демонстрацию». Большинство инженерно-технического персонала участия в праздновании не принимало [6, л. 3].

В ноябре 1930 г. в сводках ОГПУ говорилось, что медицинский персонал, учителя, служащие советско-торговых учреждений к Октябрьским торжествам отнеслись безразлично. После приветственного выступления многие кричали «Ура!», а служащие не выражали не малейшего одобрения, даже когда ораторы обращались непосредственно к ним. В ходе демонстрации интеллигенция занималась обыденными разговорами и иронически улыбалась на предложения принять участие в пении революционных гимнов [8, л. 366]. В общем можно констатировать, что большинство служащих и интеллигенции участие в праздничных демонстрациях принимали неохотно, вынужденно, и даже относились к революционным праздникам негативно. В докладной записке Астрокротдела ОГПУ с 1 по 15 мая 1930 г. отмечалось, что у «учительства есть проявления недовольства на почве отсутствия продуктов и товаров первой необходимости, а в ходе демонстрации на праздник 1-ое мая наблюдались высказывания «какой там праздник, когда есть нечего» или «на $\frac{3}{4}$ не разгуляешься» [7, л. 57].

Другим важным индикатором уровня поддержки государственной политики являлось участие в избирательных кампаниях в местные советы – перевыборы в советы. В ходе избирательного процесса проводились собрания с будущим кандидатом, а их итогом должно было стать утверждение последнего в качестве кандидата на выборы в советы. В ходе собраний горожане высказывались по актуальным проблемам, в первую очередь социального характера, а потенциальный кандидат фиксировал эти острые вопросы, так как должен был их решать, становясь в будущем депутатом.

В 1929 г. в Астрахани состоялись перевыборы в Городской совет (Горсовет). Информаторы зафиксировали, что подавляющее большинство выступлений представителей служащих и интеллигенции на перевыборных собраниях касалось работы Горсовета в части благоустройства, жилищного вопроса, перебоев в снабжении продуктами и промтоварами [4, л. 9]. На многих собраниях служащие вели себя пассивно: «Зарегистрироваться и поскорее удрать!». Выступления против предложенных кандидатур наблюдались только среди работников милиции. Один из них сказал: «Товарищи, мы в прошлые перевыборы выбирали коммунистов – наших начальников, а они не работали в Горсовете, да еще и ушли от нас. Говорят, что больше нужно выбирать с низов. А нам опять начальство предлагают». Это выступление было поддержано аплодисментами. После чего собрание вы-

двинуло из своей среды 13 кандидатур дополнительно к уже 5 рекомендованным. Далее прошло голосование, в ходе которого разгорелся скандал из-за подсчета голосов. В итоге собрание покинуло 30 человек, но рекомендуемые кандидатуры были выбраны [4, л. 46–47].

В ходе этой перевыборной кампании информаторы зафиксировали немногочисленные «антисоветские выступления». В среде служащих и интеллигенции распространялось анонимное письмо следующего содержания: «Граждане в связи с перевыборами в советы происходят массовые аресты... Арестованных привозят в Астрахань и сажают в ГПУ... Выбирайте в советы людей таких, каких вы хотите, а не тех кого хотят коммунисты. Прочитай и передай дальше» [4, л. 30]. Отмечалось, что среди служащих антисоветской агитацией занимался милиционер в Трусовском поселке (городской рабочий район Астрахани), он говорил: «При советской власти все разбиты на два лагеря – сытых и поработанных. Те, которые стоят у власти, набивают себе карманы... Им хорошо, а народ живет плохо» [4, л. 31]. Таким образом, можно констатировать, что большинство представителей служащих и интеллигенции занимали пассивную или отчужденную позицию в ходе перевыборных кампаний.

Интересна характеристика служащих и интеллигенции, приведенная в докладной записке Астрокротдела ОГПУ летом 1930 г. Из наблюдений, донесений и перлюстраций выявлялось, что большинство интеллигенции, особенно старой, абсолютно не желает менять свою идеологию. Интеллигенция чужда, а порой и враждебна к существующему строю, и старается изолироваться в процессе проведения тех или иных мероприятий Советской власти. Работает исключительно «за страх» и в целях сохранения материального благополучия. Все расчеты и вся политика построена на улучшение материальной стороны. Наиболее хорошо обеспеченная часть интеллигенции «абсолютно мертва» и не реагирует ни на что, иногда неосторожно, в своем тесном кругу зло критикует существующий строй. Менее обеспеченная часть более откровенно выражает свое недовольство. Склонность, подсиживание, мелочность, частично религиозность – самые яркие и неотъемлемые черты большинства представителей интеллигенции и служащих. Их интересы и запросы сводятся к обеспечению себя чулками, шелком, мануфактурой и мукой. С обострением классовой борьбы, великолепно учитывая положение, старается всячески подхалимствовать, приспособиться, работая «лояльно» не в силу убеждений, а из-за трусости. Большинство интеллигенции глубоко замкнулось, ко всему подозрительно, и старается себя ни в чем не проявлять [7, л. 1].

Работников образования сотрудники ОГПУ разделили на три категории: «1-я группа – совершенно чуждый по идеологии элемент, не поддающийся переработке (15-

20%), 2-я группа – лояльное учительство, не проявляющее ничего антисоветского, но не понимает и не желает понимать своей роли, проявляет «казенное» отношение к делу воспитания молодежи (50-60%), 3-я группа – это твердый советский актив [7, л. 1об]. При этом среди работников образования некоторые проявляют сочувствие кулачеству, а основная масса проявляет недовольство отсутствием товаров первой необходимости [7, л. 26]. В разговорах врачей высказывалось мнение о преждевременной коллективизации, жестокости в отношении кулака, а отдельные ошибки они расценивали, как политику партии в целом. Проявляли недовольство в связи с запрещенной частной практикой [7, л. 26].

Можно констатировать, что приведенная характеристика была близка реальному положению дел. Еще раз отметим, что социальная группа служащих и интеллигенции не являлась однородной, и, конечно, далеко не все ее представители негативно относились к советской власти в целом, но повседневная жизнь с ее бытовыми и социальными проблемами во многом определяла их оценочные суждения и формы поведения. Пусть не все, но многие представители именно этой группы подвергались критике со стороны пролетариата и центральной власти, а также «чисткам кадров», уплотнению и даже

выселению из квартир, имели низкие нормы продовольственного снабжения, могли быть внезапно лишены отдельных социальных благ, например, льготного питания в столовых и т.п. По этому поводу В.Н. Ситников (бывший юрист, в конце 1920-х гг. его несколько раз сокращали, но все же он смог устроиться работать экономистом в одной из организаций Саратова) в своем дневнике записал: «Жизнь стала смрадной. Ни о каких возвышенных помыслах нет и речи. Все принесено в жертву дикой, неприкрытой борьбе за существование, за удовлетворение самых насущных запросов самыми примитивными методами...» [14, с. 71].

Таким образом, отношение к государственной власти со стороны служащих и интеллигенции Нижневолжского края в конце 1920-х гг. было неоднозначным. С одной стороны, экономисты, инженеры, техники, врачи, милиционеры, учителя и другие представители этой социальной группы часто выражали свое негативное отношение и высказывали претензии к власти из-за неудовлетворенности материальным положением. С другой стороны, многие из служащих и интеллигенции приспосабливались к существующей ситуации, публично выражая лояльность, или занимали пассивную позицию наблюдателя, в том числе из-за опасения возможных репрессий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Информационного центра Управления МВД России по Астраханской области (АИЦ УМВД АО). Ф. 32. Оп. 1. Д. 60.
2. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 61.
3. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 62.
4. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 74.
5. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 83.
6. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 85.
7. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 91.
8. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 110.
9. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.-Л. 1931. Отдел 7. Т.4. С.196.
10. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГНИСО). Ф. 138. Оп. 1. Д. 448.
11. История России. XX век. М., 2000.
12. Корнаухова Г.Г. Повседневность и уровень жизни городского населения в 1920-1930-е гг. (на материалах Астраханской области). Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2004.
13. Лившин А.Я. Орлов И.Б. Письма во власть 1928-1939 гг. М., 2002.
14. Ситников В.Н. Пережитое: дневник саратовского обывателя. 1918–1931 гг. Саратов, 1999.
15. Ткачев В.Н. Формирование механизма партийной власти в советской политической системе в 1917-1930-е годы. Саратов. 2000.

© Тюрин Алексей Олегович (tualol1977@yahoo.com), Михайлова Мария Евгеньевна (phil.2011@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»